

КУКУШКИН Кузьма Викторович / KUKUSHKIN Kuzma

Независимый исследователь / Independent scholar

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

kkukusshkin@gmail.com

СЕЛИН Адриан Александрович / SELIN Adrian

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-

Петербург / National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

aselin@hse.ru

САБЛИН Иван Валерьевич / SABLIN Ivan

Рурский университет в Бохуме / Ruhr University Bochum

Германия, Бохум / Germany, Bochum

ivan.sablin@gmail.com

**ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННОГО
ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ГРАНИЦЫ,
УСТАНОВЛЕННОЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СТОЛБОВСКОГО МИРА 1617 г.***

**GEOINFORMATICS TECHNIQUES APPLICATION ON THE EXAMPLE OF THE
RUSSIAN-SWEDISH BORDER DRAWN ACCORDING TO THE 1617 TREATY OF
STOLBOVO**

Abstract: The history of boundaries is the subject of different sciences including history itself, geography, anthropology, sociology and many other disciplines. The correlation of the theoretical interpretations of the borders' development and the factual historical data is the most difficult problem to be solved. In order to resolve this problem in a consistent manner the modern instrument of the geoinformation systems (GIS) can be used. The article is showing how the different layers and interpretations can be consistently overlaid on the map on the case of the Russian-Swedish border history after 1617.

Ключевые слова / Keywords: ГИС, Россия, Швеция, Ингрия, Столбовский договор 1617 г., граница / Geoinformation systems (GIS), Russia, Sweden, Ingria, the 1617 Treaty of Stolbovo, border.

Границы и история их развития представляют собой сложный и многомерный предмет для изучения. В фокусе внимания исследователя — разнообразные и противоречивые факторы, которые условно можно разделить на глобальные (универсальные) и локальные (конкретно-исторические).

Под глобальными факторами будут подразумеваться подходы к интерпретации границ, а под локальными — совокупность и разнородность данных и источников по изучению границы. Различные комбинации подходов и подборка источников дают совершенно различные интерпретации истории границ и приграничья, позволяют по-разному посмотреть на причины и следствия тех или иных событий. Сложность

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ (ОГОН РФФИ) № 15-01-00205/17-ОГОН «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование».

интерпретации происходит и из необходимости добавлять к универсальным методам изучения границ пространственно-географический аспект, а к конкретно-историческим — оценку того, как современники воспринимали, интерпретировали и фиксировали себя и других в пространстве.

Глобальные факторы

Основная дискуссия в литературе по истории границ за последние 200 лет исследований разворачивалась вокруг «линейности» и «фронтирности» приграничных территорий, с одной стороны, и «прозрачности» / «непрозрачности» границ — с другой. Питер Салинс предлагает идею о том, что фронтир и границы — разные явления, если «граница — чёткое деление, которое подразумевает высокую значимость политического контекста, а фронтир мыслится как определённая обусловленность развития территории, связанная с социальными факторами»¹.

Исследователи Михил Бауд и Виллем ван Схендел² рассматривают фронтир как частный случай устройства границы и предлагают использовать для изучения границ понятия «граница» (*border*) и «приграничье» (*borderland*). При этом в соответствии с их концепцией, *border*, а также *boundary* — предмет взаимодействия государств, тогда как *borderland* — зона с особой спецификой проживания, населённая элитами, которые взаимодействуют друг с другом параллельно с государственными институтами.

По мнению Анджея Янечека, «фронтир» и «границы» — это искусственно сконструированные термины. Каждый из исследователей прочитывает их через свой собственный ценностный, культурный, национальный и идеологический контекст, а также через особенности изучаемого им периода. По словам А. Янечека, «эластичность концепта является реальной угрозой, но также и преимуществом, вдохновляющим на использование компаративистских методов и на сопоставление результатов исследований различных дисциплин»³.

Наиболее интересную и изящную трактовку исторических подходов к изучению границ дал Киммо Катаяла, который призывает ставить вопрос следующим образом: чтобы понять, чем были средневековые государства, различные «силы», участвовавшие во взаимодействии, а также прочие субъекты, необходимо рассматривать границу не с позиции нынешней интерпретации событий, не с точки зрения предопределённой

¹ *Sahlins P.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkley; Los Angeles, 1989. P. 20.

² *Baud M., Schendel W. van.* Toward a Comparative History of Borderlands // *Journal of World History*. 1997. Vol. 8. No. 2. P. 211—242.

³ *Janeczek A.* Frontiers and Borderlands in Medieval Europe. Introductory Remarks // *Quaestiones Mediae Aevi Novae*. 2011. Vol. 16. Frontiers and Borderlands. P. 5—14.

эволюции границ, а с точки зрения их восприятия самими политическими, экономическими и другими субъектами изучаемого времени (Средневековья, Нового времени и т. д.)⁴.

Различная интерпретация глобальных подходов исследователями приводит к тому, что, например, даже территория, которая становится предметом изучения, может определяться по-разному. Такая ситуация характерна и для традиции исторического изучения старинной русско-шведской границы на северо-западе современной России.

Локальные факторы: пример истории русско-шведской границы в Ингрии

Даже краткое описание истории границы фиксирует некоторые важные вопросы, на которые затруднительно дать однозначный ответ:

- 1) Где именно проходила граница?
- 2) Имели ли значение границы (влияние) на море для русской стороны до Петра I?
- 3) Насколько граница была прозрачна / закрыта?

Первый вопрос возникает уже в связи с начальным официальным размежеванием, которое было проведено на территории современной Финляндии и в Карелии ещё по результатам Ореховецкого мира 1323 г. Дискуссия по поводу локализации границы, согласно сохранившимся текстам договора, локализации приграничных меток на местах, реконструкции границы по более поздним мирным договорам и перемириям, подробно разобрана Ярлом Галленом и Джоном Линдом⁵.

В течение более чем 200 лет граница в Карелии практически не менялась. Однако уже в 1560-е гг. в ходе Ливонской войны появилась необходимость размежевания новой границы со Швецией на территории ливонских земель. Перемирие между Швецией и Русским государством, подписанное в 1564 г. в Дерпте, стало уникальным с точки зрения размежевания новой территории: «г[осуда]рь их свейский... имеет в Лифлянской земле город Колыван, город Пернов, город Пайду, город Карикус и царское бы величество те именующие города со всеми уезды по старым рубежом пожаловал, велел

⁴ *Katajala K.* Drawing Borders or Dividing Lands? The Peace Treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European Context // *Scandinavian Journal of History*. 2012. Vol. 37. No. 1. P. 23—48.

⁵ *Gallén J., Lind J.* Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Helsingfors, 1968—1991. D. 1—3.

отписать Ирику королю Свейскому. Да и перемирье бы царское величество на те города со всеми уезды велел оукрепити и рубежи положити»⁶.

Следует обратить внимание на то, что новое размежевание осуществлялось путём отбора, какие города, какой стороне отходят.

Здесь возникает вопрос о значимости моря для русского правительства. Например, по утверждению И. П. Шаскольского, документы не содержат уточнений касательно более подробных территориальных размежеваний (например, по рекам или озёрам, как в тексте Ореховецкого мира), так как города обычно «отходили» сторонам вместе с уездами, границы которых были уже определены согласно внутренним документам⁷.

По утверждению И. П. Шаскольского, именно поэтому два Плюсских перемирия России со Швецией, заключённые в 1583 и 1585 гг., не содержат информации о размежевании территории, только упоминания о городах. Так, шведская сторона получила, помимо многих ливонских территорий, ещё и города Новгородской земли: Ям, Копорье и Ивангород вместе с уездами.

Подробный разбор истории приграничных размежеваний и внутренних переписей земель позволил И. П. Шаскольскому сделать вывод по одному из важнейших вопросов истории России: с какого времени Русское государство боролось за выход к Балтийскому морю и чем была инспирирована военная кампания против Швеции в 1590—1595 гг.? Ведь по итогам Плюсских перемирий российская сторона сохраняла доступ к Финскому заливу и Балтике⁸.

В 1595 г. был заключён Тявзинский мир: на территориях Ливонии, Карелии, а также Финляндии установилось относительное равновесие вплоть до 1609 г. В договор был включён следующий пункт: шведская сторона возвращала России «его царского величества вотчину, замок Корелу (Кексгольм), со всею землею и местностью, которая изстари находилась под Великим Новгородом, в таком положении, как они взяты королем Иоанном»⁹. Договор не был ратифицирован русским правительством.

⁶ Список с записи, учинённой в Лифляндском городе Юрьеве между шведскими и российскими послами о перемирии на семь лет и о уступках в Шведскую сторону некоторых Лифляндских городов, сентябрь 1564 г.: Российский государственный архив древних актов, Москва (далее — РГАДА). Ф. 96. 1584. Д. 2. Л. 1—11об.

⁷ Шаскольский И. П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? // Исторические записки. М., 1950. Т. 35. С. 294—303.

⁸ Там же.

⁹ Мирный договор между Швециею и Россиею, заключенный 10 Мая, 1595 г., близ Нарвскаго озера, на стороне Иваньгорода, в Тявзине / с шведск. подлинника перевёл соревнователь А. Чумиков // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 2. Апрель — июнь. С. 2.

Зимой 1609 г. был заключён Выборгский русско-шведский договор о союзе и военной помощи, который зафиксировал дипломатическую ситуацию, предшествовавшую заключению Столбовского мира: «...как нашего велеможнейшего короля и государя ратные люди за рубеж, царя и великого князя в землю придут, и про них всякие кормы, ести и пити, готовы будут и наемные денги им дадут...»¹⁰. Русское правительство Василия Шуйского обязывалось обеспечить финансирование шведского военного корпуса, высылаемого в Россию для борьбы с самозванцем и польско-литовскими отрядами, и передать Корелу, а также земли уезда шведским властям: «...город Корела очистить и отдать свейскому королю: и быти городу Кореле с уездом по старине, как было наперед сего за свейским королем и за его наследники и Свейской коруны за правители в вековечной вотчине по старым межам и гранем, как было наперед сего»¹¹.

После отказа новгородцев присягнуть «всем городом» королю Густаву Адольфу Швеция и Московское государство решили заключить мир. С лета 1615 г. спор вёлся лишь о его цене. Вопрос решился только в Ладого в конце 1616 г.: стороны договорились, что Ивангород, Ям, Копорье и Орешек отойдут к Швеции. На заключительных переговорах в Столбове речь шла о формулировке текста «вечного» мира, уточнялись и иные аспекты. В начале 1617 г. была сформирована абсолютно новая линия границы Русского государства со Швецией и заключён Столбовский мир. Окончательно мирный договор о границе был подписан 28 марта 1618 г.¹² Размежёванная граница мало охранялась вплоть до осени 1629 г.

Таким образом, даже заключение мира и окончательное размежевание не привели к значительным изменениям, и только через десять лет на новой линии границы появилась охрана.

Применение ГИС-подхода для решения противоречий подходов к изучению границы и источников по истории изменения границы

Для фиксации разнообразия интерпретаций границ могут использоваться геоинформационные системы (ГИС), основанные на синтезе географических методов исследований и инструментария информационных технологий¹³.

¹⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. 2. 1598—1613. С. 185.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Перевод королевской верительной грамоты (листы перепутаны) 1 мая 1617 г.: РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 337, 335, 338—342. Перевод шведской образцовой записи о межавании, февраль 1617 г.: Там же. Л. 343—348.

¹³ *Саблин И. В.* Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу // Историческая информатика. 2013. № 1 (3). С. 10—16. URL: http://kleio.asu.ru/2013/1/hcsj-12013_10-16.pdf (27.11.2017).

Инструменты геоинформатики позволяют нанести на электронную географическую карту исторические объекты, инфраструктуру, смоделировать миграционные и иные процессы, а также создать интерактивную витрину репрезентации данных.

Данные на карте целесообразно располагать согласно пострепрезентативному подходу. В этой ситуации данные источников не делятся на «истинные» и «ложные» и не упрощаются. Цель подхода — представить интерпретации того, как была устроена граница и приграничная инфраструктура с точки зрения различных субъектов¹⁴. Этот подход позволяет не останавливаться на «единственно верной» реконструкции линии границы, а показать несколько альтернативных подходов, имеющих право на существование, на одной карте¹⁵.

Постререпрезентативный подход в отображении информации формирует синтез исторической науки и антропологии, то есть позволяет сделать о том, кто даёт интерпретацию, более полные выводы, чем о самой интерпретации. Благодаря этому появляется возможность судить не только об исторических фактах, но и о том, как историческая память локализуется в топонимах, передаётся в устной традиции из поколения в поколение местных жителей и др.¹⁶

ГИС [«Русско-шведская граница в Ингрии»](#) сформирована на открытой платформе Google-карты¹⁷.

На карте выделены следующие интерактивные слои:

- 1) Контурь границы, сформированные в соответствии с результатами Ореховецкого мира 1323 г., заключённого между Новгородом и Швецией.
- 2) Заставы, размещённые на русско-шведской границе, сформированной по итогам Столбовского мирного договора 1617 г.
- 3) Линия границы по условиям Столбовского мирного договора 1617 г., восстановленная по приграничным (межевым) камням, а также по описаниям.
- 4) Трассировка Ивангородской дороги, соединявшей Великий Новгород с Нарвой¹⁸.

¹⁴ *Саблин И. В.* Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе: геоинформационный анализ периода 1917—1923 гг. // *Tartaria Magna*. 2013. № 1. С. 12—69.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Селин А. А.* Русско-шведская граница 1617—1700 гг.: Формирование, функционирование, наследие : исторические очерки. СПб., 2016. С. 598—599.

¹⁷ Проекты Российского гуманитарного научного фонда: Проект 2015—2017 гг. «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование» / Центр исторических исследований НИУ ВШЭ (СПб.) [Электронный ресурс]. URL: <http://sh.spb.hse.ru/chr/rgnf> (15.11.2017).

Основным историческим источником для поиска информации и локализации границы стала коллекция «Порубежные акты», которые хранятся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, материалы Российского государственного архива древних актов, а также документы Государственного архива Швеции (Riksarkivet, Стокгольм). Кроме того, для локализации населённых пунктов, монастырей и дорог были использованы материалы писцовых и дозорных книг, данные местных монастырей по имущественным вопросам, материалы Генерального межевания 1788 г. и другие документы.

Важное место в локализации границы имеют работы петербургских географов, прежде всего А. И. Резникова. Именно его статья, написанная в соавторстве с Е. С. Стёпочкиной, дала важный импульс для любительского поиска в зоне русско-шведской границы XVII в.¹⁹

Благодаря деятельности историков-любителей сегодня практически все сохранившиеся межевые камни, несмотря на труднодоступность, зафиксированы на местности, получили GPS-привязку, почти все участки границы прослеживаются в пространстве.

Кроме любителей окрестности границы «пройдены» также и православными активистами — жителями дачного посёлка Чаща, пытающимися создать мемориал в районе исчезнувшего после 1764 г. Зверинского монастыря. Серьёзные поисковые работы в районе, где граница пересекала Оредеж (деревни Слудицы и Клетно), были предприняты санкт-петербургским Археологическим клубом, возглавляемым В. Г. Пежемским. В целом, сегодня можно говорить о том, что русско-шведская граница в Ижорской земле хорошо трассирована, сохранившиеся межевые знаки полностью выявлены.

Список литературы

Проекты Российского гуманитарного научного фонда: Проект 2015—2017 гг. «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование» / Центр исторических исследований НИУ ВШЭ (СПб.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://sh.spb.hse.ru/chr/rgnf>. — (15.11.2017).

¹⁸ Дорога существовала до основания Санкт-Петербурга, после чего за несколько лет потеряла значение.

¹⁹ Резников А. И., Стёпочкина Е. С. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 г. и пограничных знаков на ней // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2005.

Саблин, И. В. Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу / И. В. Саблин // Историческая информатика. — 2013. — № 1 (3). — С. 10—16. — URL: http://kleio.asu.ru/2013/1/hcsj-12013_10-16.pdf. — (27.11.2017).

Саблин, И. В. Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе: геоинформационный анализ периода 1917—1923 гг. / И. В. Саблин // Tartaria Magna. — 2013. — № 1. — С. 12—69.

Селин, А. А. Русско-шведская граница 1617—1700 гг.: Формирование, функционирование, наследие : исторические очерки / А. А. Селин. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2016. — 859 с.

Шаскольский, И. П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? / И. П. Шаскольский // Исторические записки. — Москва : Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 35. — С. 294—303.

Baud, M. Toward a Comparative History of Borderlands / M. Baud, W. van Schendel // Journal of World History. — 1997. — Vol. 8, No. 2. — P. 211—242.

Gallén, J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns / J. Gallén, J. Lind. — Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1968—1991. — D. 1—3.

Janeczek, A. Frontiers and Borderlands in Medieval Europe. Introductory Remarks / A. Janeczek // Quaestiones Medii Aevi Novae. — 2011. — Vol. 16. Frontiers and Borderlands. — P. 5—14.

Katajala, K. Drawing Borders or Dividing Lands? The Peace Treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European Context / K. Katajala // Scandinavian Journal of History. — 2012. — Vol. 37, No. 1. — P. 23—48.

Russian-Swedish Border in the Seventeenth Century [Электронный ресурс] / A. Selin, I. Sablin, K. Kukushkin, V. Gerasimov, K. Krasilshchikov ; Center for Historical Research, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg. — URL: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1YsDXIOG1NJ87KCCzfPyWBhxc4ZA&ll=61.385218645613925%2C30.7338770000000007&z=6>. — (27.11.2017).

Sahlins, P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees / P. Sahlins. — Berkley ; Los Angeles, 1989. — 351 с.